RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 612–621**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-612-621
EDN: LRXTZJ

Научная статья / Research article

Геополитические вызовы «Зеленой сделки» ЕС

К.А. Серомлянова

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ seromlyanova@bk.ru

Аннотация. Геополитические вызовы, влияющие на реализацию «Зеленой сделки» Европейского союза, составляют важные измерения современного управления климатом. Климатическая повестка дня влияет на стратегическую автономию ЕС, а также на особенности реализации экологических инициатив в условиях растущей турбулентности в международных отношениях. Системные барьеры, препятствующие эффективному осуществлению «Зеленой сделки» в нынешних геополитических реалиях, с уделением особого внимания институциональным конфигурациям и системным взаимозависимостям, которые структурируют результаты политики. Интегрированная методологическая база, основанная на институционализме и системном анализе, рассматривает политику как целостную, сложно организованную систему. Эволюция энергетической стратегии ЕС прослеживается через институциональные преобразования и взаимосвязи, заложенные в нормативно-правовой базе. Системный анализ рассматривает «Зеленую сделку» как крупномасштабный проект, одновременно влияющий на экономику, безопасность и институциональную архитектуру Европейского союза. Сравнительный метод используется для анализа национальных стратегий государств-членов и третьих стран наряду с официальными документами Европейского союза, выявляя различия в возможностях реализации и политической приверженности. Ускоренная декарбонизация европейской экономики породила парадоксальную зависимость через преодоление зависимости от углеводородов, что привело к критической асимметричной уязвимости ЕС к импорту редкоземельных металлов и высокотехнологичных компонентов, необходимых для инфраструктуры возобновляемых источников энергии, электромобильности и цифровизации. Полученные результаты подчеркивают необходимость согласования климатической политики с промышленными, технологическими и внешнеполитическими стратегиями для смягчения возникающих факторов уязвимости и повышения согласованности системных ответных мер Европейского союза.

Ключевые слова: Европейский зеленый курс, геополитические вызовы, Европейский союз, декарбонизация, климатическая политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Серомлянова К.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Серомлянова К.А.* Геополитические вызовы «Зеленой сделки» ЕС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 612–621. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-612-621 EDN: LRXTZJ

The Geopolitical Challenges of the EU Green Deal

Ksenia A. Seromlyanova

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ seromlyanova@bk.ru

Abstract. The geopolitical challenges affecting the implementation of the European Union's Green Deal constitute important dimensions of modern climate governance. The climate agenda affects the strategic autonomy of the EU, as well as the specifics of implementing environmental initiatives in the context of growing turbulence in international relations. Systemic barriers preventing the effective implementation of the Green Deal in the current geopolitical realities, with particular attention to institutional configurations and systemic interdependencies that structure policy outcomes. An integrated methodological framework based on institutionalism and systems analysis considers politics as an integrated, complexly organized system. The evolution of the EU's energy strategy can be traced through institutional transformations and interconnections embedded in the regulatory framework. The system analysis considers the Green Deal as a large-scale project that simultaneously affects the economy, security and institutional architecture of the European Union. The comparative method is used to analyze the national strategies of member States and third countries along with official documents of the European Union, revealing differences in implementation opportunities and political commitment. The accelerated decarbonization of the European economy has created a paradoxical dependence through overcoming dependence on hydrocarbons, which has led to a critical asymmetric vulnerability of the EU to imports of rare earth metals and high-tech components necessary for renewable energy infrastructure, electric mobility and digitalization. The findings highlight the need to align climate policy with industrial, technological, and foreign policy strategies to mitigate emerging vulnerabilities and enhance coherence in the European Union's systemic response.

Keywords: European green course, geopolitical challenges, European Union, decarbonization, climate policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Seromlyanova, K.A. (2026). The geopolitical challenges of the EU Green Deal. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 612–621. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-612-621 EDN: LRXTZJ

Введение

«Европейский зеленый курс» (European Green Deal, EGD), концептуализированный президентом Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен в декабре 2019 г.[1], представляет собой системную трансформационную ма-

[1] The European Green Deal // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed: 15.01.2026).

трицу, направленную на реконфигурацию Евросоюза в качестве ресурсосберегающей, технологически передовой и глобально конкурентоспособной экономики. EGD формирует комплексную дорожную карту секторальной трансформации — энергетики, транспорта, промышленности и сельского хозяйства — с акцентом на достижение климатической нейтральности к 2050 г. и сокращение антропогенных выбросов парниковых газов на 55 % к 2030 г. (базовый уровень 1990 г.), закрепленное в Европейском законе о климате от июля 2021 г.[2] Основными задачами EGD в этом контексте стали форсированное внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ), развитие экономики замкнутого цикла, технологическая модернизация сталелитейной и цементной отраслей, а также переход к устойчивой продовольственной системе.

Однако в условиях нарастающей мировой турбулентности реализация «Зеленого курса» претерпела парадигмальный сдвиг: из долгосрочной климатической инициативы она трансформировалась в критически важный инструмент обеспечения региональной безопасности и стратегической автономии ЕС [Надточей 2024: 106–130]. Ранее запланированный энергопереход приобрел характер вынужденного и экстренного процесса, вызванного крахом прежней энергетической архитектуры Европы. В течение десятилетий европейская промышленная модель опиралась на бесперебойные поставки доступных ископаемых энергоносителей из России, которые рассматривались как «переходный мост» к экологии. Украинский кризис и последовавшее за ним резкое сокращение импорта российского газа разрушили эту модель, обнажив глубокую системную уязвимость ЕС перед внешними поставщиками.

Форсированная декарбонизация стала прямым ответом на возникшие финансовые шоки и санкционные противостояния, которые сделали использование традиционного топлива не только политически рискованным, но и экономически непредсказуемым. Таким образом, «вынужденность» энергоперехода детерминирована тем фактом, что ускоренное развитие внутренней «чистой» энергетики (включая водородные технологии и ВИЭ) стало единственным доступным путем к ликвидации внешней зависимости. В новой реальности экологическая повестка окончательно слилась с оборонной и экономической стратегией: теперь декарбонизация выступает не только как способ защиты климата, но и как гарант политического суверенитета Европы, превращая «Зеленый курс» в фундамент выживания ЕС в условиях глобальной нестабильности. В связи с этим ключевой целью данной статьи является верификация степени реализуемости и достижимости целевых показателей «Зеленой сделки» в условиях актуальных геополитических реалий.

Экологическая трансформация на фоне образования многополярной архитектуры мира обострила проблему зависимости ЕС от импорта сырьевых

[2] Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 (‘European Climate Law’). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1119/oj/eng (accessed: 15.01.2026).

ресурсов и технологий, усиливая конкуренцию с акторами международных отношений. Острый дефицит редкоземельных элементов и технологических компетенций, необходимых для развертывания перспективной водородной энергетики, превращает климатическую повестку в пространство жесткой борьбы за технологическое лидерство и доступ к рынкам будущего с США и Китаем [Fan 2023: 2].

В сложившихся обстоятельствах, как в ходе своей работы прослеживает Т. Лазорчакова, задекларированная амбициозность «Зеленой сделки» наталкивается на жесткие ограничители социально-экономического и структурного характера, ставящие под вопрос возможность синхронной реализации ее ключевых этапов [Lazorcakova 2024: 115]. Эскалация российско-украинского конфликта весной 2022 г., как утверждает Н.Ю. Кавешников, спровоцировала парадигматический разворот в энергетической доктрине Европейского Союза, мгновенно переориентировав стратегические приоритеты с долгосрочных климатических траекторий на императив немедленного обеспечения энергетической безопасности [Кавешников 2023: 473]. Кратко- и среднесрочная повестка «Зеленой сделки» была радикально реприоритизирована: устойчивая энергетика, ранее позиционируемая как системный приоритет, была временно отодвинута на периферию в пользу операционализации мер по минимизации трансграничных уязвимостей.

Влияние финансовых изменений на экологическую политику ЕС

В 2022 г. на кризисную ситуацию наложились экзогенный шок, как утверждает Е.А. Ходаковский, санкции против финансовой системы России и российских нефтегазовых компаний, а также контрсанкции в контексте геополитического кризиса вокруг Украины [Ходаковский 2024: 186–194.]. Разрушение системы контрактов, платежей и физического предложения газа усилило энергетический кризис, сохраняющийся на момент завершения анализа в режимах высокой волатильности. Реагируя на вызовы, Еврокомиссия в мае 2022 г. представила план по снижению зависимости от российских ископаемых и ускорению энергоперехода, активизировав вмешательство национальных регуляторов в рынки электроэнергии и газа[3]. Первоочередная трудность заключается в возникновении «инвестиционного разрыва»: необходимость экстренного финансирования инфраструктуры для импорта СПГ и субсидирования высоких цен на ископаемое топливо для населения вступает в острое противоречие с долгосрочными планами по декарбонизации. Игнорируя нюансы, обусловленные различиями в энергетических системах стран ЕС, можно констатировать, что стабилизация достигалась через одновременное воздействие на спрос

[3] Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Counsil, the European Economic and social Committee and the Committee of the Regions. REPowerEU Plan. COM (2022) 230 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=C0M%3A2022%3A230%3AFIN&qid=1653033742483 (accessed: 15.01.2026).

и предложение: частичное возвращение угольных мощностей, отсрочка закрытия АЭС, рост импорта СПГ из альтернативных источников, строительство инфраструктуры регазификации, меры по снижению потребления газа (усиленные рыночными ценами) и сохранение тренда на рост доли неветровых возобновляемых источников энергии (НВИЭ) в генерации.

Зависимости ЕС от импорта ресурсов

Динамика породила противоречивые процессы в европейской электроэнергетике: временный реверс сокращения угольной генерации в 2021–2022 гг. контрастировал с устойчивым ростом НВИЭ (исключая аномальный 2021 г.), подчеркивая дихотомию между краткосрочной необходимостью энергетической безопасности и долгосрочной траекторией декарбонизации. План REPowerEU, запущенный в мае 2022 г. в ответ на энергетический кризис, аккумулировал 40 % ресурсов на обеспечение доступной, безопасной и устойчивой энергетики[4]. Диверсификация поставок (СПГ из США, Норвегии, Катара) снизила зависимость от российского газа с 40 до 18 % к 2025 г., одновременно ускоряя развитие инфраструктуры ВИЭ: ускоренные разрешения на солнечные и ветровые проекты, сеть зарядных станций для электромобилей с интервалом 60 км. Эти меры потенциально не только могут стабилизировать энергобаланс, но и усилили геополитическую автономию, трансформируя уязвимость в стратегическое преимущество, что в своем роде увеличит сроки реализации поставленных задач в рамках «Зеленой сделки».

RePowerEU, интегрируя промышленную политику с климатическими целями, логически эволюционирует в комплексный механизм, где диверсификация поставок (СПГ из США, Норвегии, Катара) сочетается с локализацией производства ключевых технологий, минимизируя внешние уязвимости. Таким образом, энергетический кризис выступает катализатором парадигмального сдвига, где макроэкономическая стабильность, монетарная автономия и геополитическая устойчивость ЕС сливаются в единую стратегию форсированного, но адаптивного зеленого перехода, закладывая основу для посткризисной энергетической архитектуры. Акцент был смещен со стимулирования зеленого потребления на стратегии глубокого укрепления производственно-технологического потенциала региона [Guarascio 2025: 1–44]. Текущий курс, закрепленный в плане RePowerEU, предполагает не только диверсификацию источников генерации, но и локализацию критических цепочек создания стоимости — от производства фотоэлектрических панелей до систем накопления энергии и ветрогенерации [Kleimann 2023: 46)]. Данная стратегия ставит амбициозные цели: достижение полной углеродной нейтральности к 2050 г. и форсированный отказ от импорта российских ископаемых видов топлива к 2027 г. [Veugelers 2024: 4].

[4] REPowerEU // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en (accessed: 15.01.2026).

Однако, несмотря на это, с 2023 г. в Европе инициирована радикальная ревизия энергетической парадигмы, в рамках которой форсированный энергопереход переместился в эпицентр политической повестки [Tagliapietra 2023: 1–12]. Критическая значимость данного сектора детерминирована его доминирующей ролью в формировании инфляционной динамики: волатильность цен на энергоносители продолжает выступать сдерживающим фактором для монетарной политики [Ferreira 2024: 2]. В ответ на эти вызовы осуществляется масштабная модернизация инструментария экономической политики, направленная на минимизацию системных уязвимостей и повышение адаптивной устойчивости национальных хозяйств к внешним изменения.

Направления изменений в рамках реализации «Зеленой сделки»

Первый вектор изменения структуры энергоперехода охватывает последствия российско-украинского кризиса, ставшего катализатором принудительного энергоперехода. Отказ от долгосрочной модели потребления дешевых российских ископаемых ресурсов (прежде всего природного газа) спровоцировал не только физический дефицит энергоносителей, но и радикальную реконфигурацию финансовых потоков. Вместо оплаты стабильных поставок топлива европейский капитал был перенаправлен на два направления: экстренное субсидирование потребителей для сдерживания инфляционного шока и колоссальные инвестиции в новую инфраструктуру (СПГ-терминалы, газовые интерконнекторы). В данном контексте эффективность «Зеленой сделки» теперь напрямую зависит от способности ЕС нивелировать инфляционное давление и одновременно аккумулировать ресурсы для развертывания этой инфраструктуры, не отказываясь от долгосрочных климатических целей.

Второй стратегический вектор определяет эффективность перехода на альтернативные источники энергии (включая водород и атомную энергетику) через призму жесткой технологической конкуренции с КНР и США. Здесь происходит критическая смена парадигмы угроз: если первая (российская) угроза была связана с зависимостью от поставок топлива, то вторая — с критической зависимостью от технологий и сырья. ЕС оказался в тисках между доминированием Китая в производстве солнечных панелей, аккумуляторов и добыче редкоземельных металлов и масштабным протекционизмом США (в рамках Закона о сокращении инфляции, IRA).

Переход к «зеленой генерации» в Европе приобретает выраженную ресурсозависимую конфигурацию, критически опираясь на глобальные цепочки поставок лития, кобальта, никеля, графита и редкоземельных элементов (РЗЭ), незаменимый для производства аккумуляторных систем, электролизеров и лопастей ветровых турбин. Значительная рыночная консолидация электромобилей в автомобильном секторе сигнализирует о стабилизации их траектории экспоненциального роста, отражая структурный сдвиг в сторону энергоэффективных и низкоуглеродных технологий. На региональном уровне Европа консолидирует статус второго крупнейшего рынка электроавтомобилей после Китая,

аккумулируя 25 % глобальных продаж и 30 % мирового парка электромобилей[5]. Эта динамика радикально усиливает европейскую потребность в РЗЭ, расширяя спектр применения за пределы ВИЭ на весь жизненный цикл электромобилей — от производства батарей до эксплуатации и утилизации. Таким образом, климатическая амбиция EGD трансформируется в геоэкономический императив ресурсной безопасности, где технологический суверенитет предстает не как производная инноваций, а как функция контроля над критическими материалами в условиях глобальной конкуренции за сырьевые активы.

На этом фоне обнажилась критическая асимметрия: обладая минимальной внутренней базой (добыча менее 1 % и переработка менее 5 %), ЕС импортирует 98 % необходимых ресурсов[6]. Доминирующее положение здесь занимает Китай, контролирующий от 60 до 90 % мировых мощностей по переработке ключевых металлов [Fojtíková 2025: 1–23]. Период 2023–2025 гг. ознаменовался переходом к активному использованию этого превосходства: введенные Пекином ограничения на экспорт галлия, германия и РЗЭ-магнитов нанесли прямой удар по таким промышленным гигантам, как Siemens и Volkswagen, дестабилизировав их цепочки поставок [Саливон 2025: 1–2].

Ситуация осложняется конкурентным давлением со стороны союзников. Закон IRA с субсидиями в 369 млрд долл. США инициировал отток капитала из Европы, что поставило под угрозу промышленный потенциал региона и вынудило ЕС искать экстренные механизмы для защиты своей глобальной конкурентоспособности [Artecona 2022: 28]. Современный вектор глобальной конкуренции окончательно закрепил за полупроводниковой индустрией и зелеными технологиями статус фундаментальных опор промышленного суверенитета [Жуков 2023: 15–31]. Эксперты из Института Рузвельта консолидируют парадигматический тезис: в конфигурации современной геоэкономической реальности любая жизнеспособная стратегия экономического развития де-факто приобретает климатическую размерность, что возводит реализацию Европейского зеленого курса в ранг институциональной необходимости для стратегического позиционирования ЕС[7].

В ответ на глобальную нестабильность Европейский союз стремится укрепить свою промышленную автономию с помощью закона Critical Raw Materials Act (CRMA), принятого Европейским парламентом и Советом ЕС в 2024 г. для обеспечения устойчивого, надежного и диверсифицированного доступа Союза к стратегически важным сырьевым материалам, необходимым для реализации

[5] IEA report: Dimensions and trends of the global battery market // Electrive. URL: https://www.electrive.com/2025/06/03/iea-report-dimensions-and-trends-of-the-global-battery-market/ (accessed: 15.01.2026).

[6] EU trade relations with China // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/china_en (accessed: 15.01.2026).

[7] *Kahn S., Gunn-Wright R.* All Economic Policy Is Climate Policy: Tools for a Post-Neoliberal Green Transition. 2022. May 11. URL: https://rooseveltinstitute.org/publications/all-economic-policy-is-climate-policy/ (accessed: 10.01.2026).

зеленой и цифровой трансформации[8]. Этот документ знаменует собой переход от либеральной рыночной модели к политике «стратегического дирижизма», устанавливая жесткие целевые показатели на 2030 г. — обеспечение не менее 10 % внутренней добычи, 40 % мощностей по переработке и ограничение зависимости от любого отдельного поставщика (прежде всего КНР) уровнем в 65 %[9]. Однако реализация этой стратегии наталкивается на серьезное препятствие в виде агрессивной экономической политики США, которая формирует для Европы «двойную ловушку». Во-первых, Вашингтон создает колоссальный внутренний спрос на критические ресурсы, такие как литий и редкоземельные элементы. Это превращает США в прямого конкурента ЕС, вынуждая Брюссель бороться за доступ к сырью не только с доминирующим на этом рынке Китаем, но и со своим ключевым западным партнером. Во-вторых, массированные американские субсидии провоцируют опасный «технологический дренаж». Финансовая привлекательность рынка США стимулирует отток капитала и инноваций из Европы. В результате европейский бизнес оказывается перед жестким выбором: сохранять приверженность производственным площадкам внутри ЕС, сталкиваясь с высокими издержками, или переносить мощности за океан, поддаваясь деструктивному влиянию американских преференций.

Заключение

В условиях глобальной геополитической турбулентности, спровоцированной эскалацией российско-украинского конфликта весной 2022 г., приоритеты климатической повестки Европейского Союза претерпели парадигматический разворот, обнажив фундаментальные противоречия амбициозной траектории EGD. Финансовая нестабильность, связанная с сокращением поставок углеводородов, не только усилила энергетический кризис, но и показала системную уязвимость блока: глубокую зависимость от импорта критически важных материалов (литий, кобальт, никель, РЗЭ), необходимых для декарбонизационных технологий. Агрессивная декарбонизационная динамика, изначально позиционируемая как инструмент технологического лидерства, эволюционировала в арену соперничества с Китаем и США, где отказ от традиционных энергоносителей породил ресурсную зависимость. Эта конфигурация многополярной реальности трансформирует экологическую трансформацию ЕС из утопического нарратива в платформу «милитаризированной климатической дипломатии», где водородная энергетика и ВИЭ становятся ставками в борьбе за технологический суверенитет. Выявленные стратегические вызовы — от REPowerEU как вынужденной диверсификации до CRMA как инструмента сырьевой

[8] The European Critical Raw Materials Board // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/sectors/raw-materials/areas-specific-interest/critical-raw-materials/critical-raw-materials-act/board_en (accessed: 10.01.2026).

[9] An EU critical raw materials act for the future of EU supply chains // Council, European Union — Consilium. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/critical-raw-materials/ (accessed: 10.01.2026).

автономии — подчеркивают двойственность между декларируемыми целями и операциональными ограничениями.

Таким образом, реализация «Зеленой сделки» ЕС затрудняется, так как дефицит ресурсов и необходимость реагирования на немедленные вызовы безопасности вынуждают ЕС пересматривать сроки и механизмы реализации экологической стратегии, адаптируя ее к условиям новой реальности, где экология становится подчиненным элементом промышленной и оборонной политики.

Поступила в редакцию / Received: 31.03.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 06.08.2026
Принята к публикации / Accepted: 00.08.2026

Библиографический список

Жуков С.В., Резникова О.Б. Энергетический переход в США, Европе и Китае: новейшие тенденции // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 15–31. https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-15-31

Кавешников Н.Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г // Материалы международной научной конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика». Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2023. Т. 12907. № 10.03. С. 473–479. EDN: WTEEEI

Надточей Ю.И. Европейский союз в меняющейся парадигме глобализации // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 106–130. https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.06

Саливон А.И. Секция Глобальная экономика: перспективы развития Борьба за ресурсы: стратегии Китая и Европейского союза : сборник по итогам конференции «Ломоносов-2025». 2025. С. 1–2.

Ходаковский Е.А., Сизов А.А. Четвертый энергетический переход: текущее состояние, перспективы, стратегия России в геополитической борьбе // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 3. С. 186–194. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-3-186-194

Artecona R., Velloso H. Towards a new industrial policy. The United States economic policy agenda post-COVID. 2022. P. 28.

Fan J.H., Omura A., Roca E. Geopolitics and rare earth metals // European Journal of Political Economy. 2023. No. 78. P. 2. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2022.102356

Ferreira V., Ferreira J.P., Guarascio D., Zezza, F. Shockflation in the EU: Sectoral shocks, cost-push inflation and structural asymmetries in core and periphery countries // Public Economics — Working Paper. 2024. No. 254. P. 2.

Fojtíková L. et al. Determinants of critical raw material imports: The case of the European Union and China: L. Fojtíková et al. // Mineral Economics. 2025. P. 1–23. https://doi.org/10.1007/s13563-025-00528-4

Guarascio D., Reljic J., Zezza F. Energy vulnerability and resilience in the EU: concepts, empirics and policy // Journal of Industrial and Business Economics. 2025. P. 1–44. https://doi.org/10.1007/s40812-025-00340-9

Kleimann D., Poitiers N., Sapir A., Tagliapietra S., Véron N., Veugelers R., Zettelmeyer J. Green tech race? The US inflation reduction act and the EU Net Zero Industry Act // World Economy. 2023. Vol. 46. No. 12. https://doi.org/10.1111/TWEC.13469

Lazorcakova T. European Green Deal: Success or Failure? // Studia Iuridica Cassoviensia. 2024. P. 115. https://doi.org/10.33542/SIC2024-2-08

Tagliapietra S., Veugelers R., Zettelmeyer J. Rebooting the European Union's net Zero Industry Act // Policy Brief (Center for Home Care Policy and Research (U.S.)). 2023. P. 1–12.

Veugelers R., Tagliapietra S., Trasi C. Green industrial policy in Europe: Past, present, and prospects // Journal of Industry Competition and Trade. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 4. https://doi.org/10.1007/s10842-024-00418-5

Сведения об авторе:

Серомлянова Ксения Андреевна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, заведующий сектором учебно-методической работы и практик, Российский университет дружбы народов (e-mail: seromlyanova@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-8974-5329, SPIN-код: 1442-0103, AuthorID: 1172261).

About the author:

Ksenia A. Seromlyanova — postgraduate student at the Department of Theory and History of International Relations, and the head of the sector for educational and methodological work and practical training, RUDN University (e-mail: seromlyanova@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-8974-5329, SPIN-code: 1442-0103, AuthorID: 1172261)**.**